

ОЛЬГА БУТОРИНА

«НАМ ЕЩЕ ТОЛЬКО ПРЕДСТОИТ ВЕЛИКИЙ ПЕРЕХОД ОТ НАУКИ ОПЫТА К ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ НАУКЕ...»

Ольга Витальевна Буторина (Омельченко) родилась в г. Мончегорске Мурманской области в семье военного летчика 7 мая 1961 года. Семья несколько раз переезжала, и среднюю школу Ольга Витальевна окончила уже в Москве. В 1978 г. поступила в Московский государственный институт международных отношений на Факультет международных экономических отношений. С отличием окончив МГИМО в 1983 году, получила распределение на работу во Всесоюзное объединение «Новоэкспорт» и не покидала его вплоть до 1989 года. Параллельно училась в заочной аспирантуре МГИМО, где в 1987 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме «Актуальные проблемы участия Испании в международном разделении труда».

В 1989 г. О.В. Буторина пришла научным сотрудником в Институт Европы РАН, где проработала на должностях от младшего научного сотрудника до заведующей сектором и заведующей отделом европейской интеграции. В 2002 г. – защитила докторскую диссертацию по экономическим наукам на тему «Экономический и валютный союз. Международный аспект».

В 2003 г. перешла на работу в МГИМО МИД России, сначала в качестве заведующей организованной ей Кафедрой евро-

пейской интеграции, потом – в должности проректора, с 2007 г. – советника Ректора, одновременно не оставляя руководство кафедрой. В 2012 г. получила звание профессора.

В 2012 г. круто меняет свой профессиональный путь и возвращается в Институт Европы сначала главным научным сотрудником, а с 2015 г. – заместителем директора по научной работе.

В разные годы работала также профессором Высшей школы экономики и Московской государственной академии легкой промышленности.

О.В. Буторина является признанным специалистом в области теории и практики экономической политики ЕС и комплексного изучения европейской интеграции. В современной российской европеистике ей принадлежит научный приоритет в разработке экономических и в особенности валютно-финансовых аспектов функционирования Евросоюза после введения евро. Идя по стопам ярких европеистов-экономистов старшего поколения: Юрия Шишкова, Виктора Кузнецова, Маргариты Максимовой, Леонида Глухарева и др., в 2003 г. опубликовала первое в отечественной науке фундаментальное научное исследование единой европейской валюты.

Автор более 130 научных и публицистических работ, изданных в России и за рубежом.

У Ольги Витальевны двое взрослых детей – оба закончили МГИМО. Муж – писатель Денис Викторович Драгунский.

29 июля с О.В. Буториной встретился главный редактор «Международных процессов» А. Байков, и между ними состоялась следующая беседа.

А.Б. *Ольга Витальевна, на протяжении многих лет Вы трудитесь в системе Российской академии наук. Однако значительная часть Вашего творческого пути была связана с высшим образованием. Вы работали в МГИМО проректором, советником Ректора, заведующей Кафедрой европейской интеграции. И тем не менее работа в академии, судя по всему, привлекла Вас больше. Сейчас, в качестве заместителя директора, Вы возглавляете в Институте Европы РАН одно из мощных направлений науки о Европе. Как Вы сами для себя объясняете этот выбор?*

О.Б. МГИМО – моя alma mater, здесь, на Факультете международных экономических отношений я впервые ощутила восхитительный, ошеломляющий, ни с чем несравнимый вкус профессионального знания. На первом курсе, а было это в 1979 году, лекции по политекономии капитализма нам читал заведующий кафедрой политической экономии МГИМО профессор Василий Петрович Трепелков. Он подробно и увлеченно разбирал труды классиков экономической мысли, а главное – рисовал перед нами грандиозную, многомерную картину хозяйственной жизни Европы эпохи Промышленной революции. Через несколько лекций я почувствовала, что происходит что-то невероятное, как будто распахивается дверь в рай. Казалось, что весь лекционный зал: ступенчатые ряды столов, мои однокурсники, расхаживающий вдоль доски лектор, стены и потолок – все это отрывается от земли и парит над реальностью, в которой я жила до сих пор. Конечно, я не рассказывала друзьям-студентам о наших «полётах», но, каждый раз, входя в зал, ждала повторения чуда.

С тех пор окрыляющее чувство узнавания нового, радости понимания окружающего мира неизменно вело и ведет меня по жизни. С ним я становлюсь собой и наполняю смыслом, как мне кажется, не только свое существование. Моя профессиональная деятельность, будь то реальный сектор (а мне довелось работать во внешней торговле и на финансовых рынках), высшее образование или академическая наука, всегда имели для меня несколько измерений. Зарабатывание денег – важная материальная составляющая, построение карьеры – задача на социальную самореализацию. Но и ценностным стержнем было и остается создание нового знания.

Двенадцать отданных МГИМО лет стали периодом напряженной и очень продуктивной работы. Огромный коллектив дал редкую возможность работать бок о бок с профессионалами самых разных профилей – политологами, историками, дипломатами, военными, юристами, журналистами, администраторами и, конечно, экономистами. О таком многообразии бесед с интенсивно думающими, интеллигентными людьми, какие мне посчастливилось вести в стенах МГИМО, я не могла и мечтать. Многие из моих коллег оставили глубокий след в моем мировоззрении и в моей душе, стали единомышленниками и добрыми друзьями.

За несколько лет удалось создать не только новую Кафедру европейской интеграции (она была основана в 2003 г.) но и новый для нашей страны цикл университетских дисциплин, предметом которых является региональная интеграция. То есть превратить академическое знание в дватри десятка курсов с устоявшейся методикой преподавания и комплексом обучающих средств. К 2010 г. эта работа была выполнена, ее венцом стал 700-страничный учебник «Европейская интеграция», написанный по разработанной коллективом кафедры методике и получивший немало одобрительных студенческих отзывов.

Тогда я почувствовала, что настала пора передать кафедру молодому коллеге (сейчас ею успешно руководит к.полит.н., до-

цент Н.Ю.Кавешников) и вернуться в лоно академической науки. Переход в Институт Европы РАН, где я начинала свою научную карьеру, прошел легко и быстро. Полностью переключившись на исследовательские проекты, я бережно храню приобретенные в МГИМО богатства – профессиональный опыт и личные контакты.

А.Б. *Чем в основном Вы занимаетесь сейчас в смысле научных исследований? Какие крупные проблемы «европоведения» разрабатываете?*

О.Б. Меня занимает несколько больших проблем, естественно, в их европейском преломлении: экономического роста, логики региональной интеграции, меняющейся природы денег.

Здесь скажу о первой – проблеме экономического роста, его движущих сил, возможностей и пределов. Это одна из центральных тем экономической науки, что не делает ее ни тривиальной, ни в удовлетворительной мере изученной. Недавно появилось много новых книг и концепций, авторы которых пытаются ответить на простой вопрос: почему одни общества достигают благосостояния, а другие остаются в нищете или застревают на полпути. Причина коренится не только в обилии или недостатке ресурсов. Рост ограничивают институциональные дефекты, провалы в законодательстве, незащищенность прав собственников, низкая культура труда, невосприимчивость общества к инновациям, nepотизм и многое другое. Лучшие экономисты мира ломают голову над факторами и их комбинациями, которые открывают или закрывают путь к процветанию.

Применительно к Европе мы с уверенностью можем сказать, что реализация в бывших социалистических странах принципов Евросоюза – демократии и свободного рынка – не обеспечивают им перехода на новый уровень благосостояния. Их экономики не становятся по своим качествам такими же, как экономика Германии или Австрии. Абсолютный разрыв в душевых доходах между западной и восточной ча-

стями ЕС практически не сокращается. Своих западных партнеров медленно догоняют только Словения и Чехия. Экономики Болгарии и Румынии явно деградируют, остальные же страны Центральной и Восточной Европы застряли на полпути к уровню жизни, характерному для Португалии и Греции.

Кроме изучения факторов и барьеров роста, я вижу еще одну чрезвычайно важную, но пока не поставленную в экономической науке проблему – соотношения зрелой и нарождающейся рыночной экономики. Выражаясь образно, проблему взаимоотношений олимпийской и дворовой команды (недавний успех команды Исландии на первенстве Европы по футболу – счастливое исключение). Когда они играют на общем глобальном поле, результат нетрудно предвидеть. За 12 лет членства Венгрии и Польши в ЕС мы не услышали об их новых ТНК, зато забыли про венгерские «Икарусы» и польские суда, так же, как про латвийские радиоприемники и болгарские автокары. Правила международной игры задают развитые страны. Государства с догоняющими экономиками часто занимают пассивную позицию, в том числе из-за недостатка экономических знаний. Когда же невыгодное им международное правило вступает в силу, им остается взывать ко всеобщей справедливости.

Есть и качественный аспект. Проведенные мной предварительные изыскания показывают, что экономика догоняющего типа реагирует на меры, стимулирующие экономический рост, иначе, чем зрелая экономика. Дело здесь в сохраняющейся структурной, качественной разнице. Например, при одинаковом приросте вложений в НИОКР (имеется в виду их доля в ВВП) душевые доходы в Западной Европе прирастают на значительно большую величину, чем в Восточной. Еще хуже обстоит дело с коммерческими НИОКР: в западной части ЕС они внушительно повышают душевой доход, а в восточной части данная зависимость не прослеживается вовсе. Разной оказывается реак-

ция на финансовые потрясения — уже потому что финансовые рынки переходных стран мельче и слабее, чем у их западных соседей.

Это означает, что рецепты роста, работающие в развитых экономиках, могут оказываться бесполезными для догоняющих. Для того чтобы выйти из порочного круга, нужна подлинно научная теория переходного периода и догоняющего роста. Сегодня ее нет даже в зачатке. Страны Запада ее, конечно, не создадут. Значит, за дело должны взяться сами страны «второго эшелона»: Польша, Венгрия, Болгария, Россия, Казахстан, Индия, Мексика... Здесь нужна политическая воля и немалые финансовые затраты государства. Без адекватного финансирования, без кадрового обеспечения, богатых библиотек и международных симпозиумов дело не сдвинется с мертвой точки. Мы, а я отношу к этой группе стран и Россию, будем экипировать свою дворовую команду на олимпийский лад и ждать успехов.

А.Б. Как отразится недавнее решение Великобритании о выходе из ЕС на общей ситуации в Евросоюзе и, главное, на будущем науки об экономической и финансовой интеграции?

О.Б. Спасибо за своевременный вопрос и, особенно, за его последнюю часть — о финансовой интеграции.

Ожидаемый выход Великобритании из ЕС пресекает непрерывную до сей поры тенденцию географического расширения европейской интеграции. На месте эмоционально и политически ярко окрашенного восточного расширения мы можем вскоре увидеть первое и значительное по масштабам западное сужение Евросоюза. Население группировки сократится на 13% (с 508 до 444 млн чел.), ВВП в текущих ценах — на 18%, а доля ЕС в мировом экспорте (с учетом внутрирегиональной торговли) уменьшится с 33 до 30%. Для сравнения: прием в ЕС в 2004 г. десяти новых стран, включая восемь стран Центральной и Восточной Европы, дал прирост населения на 10% и прирост ВВП — на 6%.

Общая ситуация в Евросоюзе изменится заметно, но не кардинально. Объединение покинет самый решительный евроскептик, ярый противник федерализации и идеолог урезанной интеграции, не выходящей за рамки торгового сотрудничества. Это снимет многие политические препятствия на пути к дальнейшей централизации Евросоюза. Данный вектор был ясно задан несостоявшейся конституцией, а затем продолжен в рабочем режиме в ответ на экономический кризис 2009 года.

Но устранение субъективных препятствий не означает решения объективных проблем, связанных с противоречивой логикой интеграционного процесса. Главный антагонист европейского единства остается внутри, он всемогущ и не имеет лица. Имя ему — структурная разнородность государств-членов. Начиная с 2004 г. эта разнородность существенно возросла из-за приема большой группы стран Центральной и Восточной Европы с иными историческими, культурными и хозяйственными традициями. Выкорчевать их не смогли ни копенгагенские, ни маастрихтские критерии. Не сможет и официальный Брюссель, какими бы блестящими умами ни пополнились его институты в будущем. Поэтому уход Великобритании также символизирует завершение периода универсальной интеграции и окончательный переход к гибкой интеграции, или интеграции «изменяемой геометрии».

Последствия для финансовой сферы кажутся несущественными и почти не освещаются прессой. Однако именно они задают мотив той музыки, под которую будут плясать финансовые рынки в следующие два десятилетия. Мелодия эта замысловата, едва ли кто-то способен распознать ее сейчас в полной мере. Зато первые такты слышны вполне отчетливо.

До решения о выходе Великобритании из ЕС сохранялась гипотетическая возможность ее присоединения к еврозоне. А значит, возникновения биполярной мировой валютной и финансовой системы, в которой доллар и евро играли бы примерно равную роль. Если быть совсем точ-

ными, то такая возможность исчезла в 2011–2012 годах, когда в ответ на кризис в еврозоне Евросоюз значительно усилил механизмы макроэкономического управления и разработал программы построения экономического, фискального и финансового союзов. Поскольку все они вертелись вокруг зоны евро, куда Великобритания не входит, то их дизайн не учитывал интересы Сити. Сам этот факт делал невозможным и бессмысленным присоединение Великобритании к Экономическому и валютному союзу, что, однако, понимали только узкие специалисты.

Теперь же нереалистичность включения Британии в зону евро получила общемировую огласку. Биполярный сценарий, кстати весьма привлекательный для многих стран и рынков, в ближайшие полвека не состоится. Это наверняка. Что получится из его отсутствия – большой вопрос. Возможны два сценария.

Первый, на который возлагают надежды страны за пределами «группы семи» и особенно государства с нарождающимися рынками – формирование многополярной финансовой системы. Вроде бы есть сигналы, указывающие на такой ход событий. Например, включение юаня в корзину СДР, рост доли австралийского и канадского долларов в обороте мировых валютных рынков. Но отдельные сигналы не равнозначны тенденции.

Второй сценарий, куда менее ожидаемый и благоприятный, но вполне реалистичный – дальнейшее усиление господства доллара на мировых финансовых рынках. Эту тенденцию определяют не загovorщики, как кто-то думает, а безликие рыночные экстерналии. Поясню: чем больше рынок той или иной валюты, тем дешевле обходятся операции с ней и тем привлекательней она становится для инвесторов. Круг замыкается, система воспроизводит сама себя. Институциональные усилия развивающихся стран на площадке МВФ не отменяют этого тренда, а только корректируют его. Перебить его по-настоящему смогут технологические новации, будь то новые системы трансгранич-

ных расчетов (которые позволили бы обменивать нерезервные валюты друг на друга, минуя доллар) или виртуальные глобальные деньги.

А.Б. Ваши книги «Европейская интеграция» и «Международные экономические отношения» читают студенты. Что нового появилось в интеграционных исследованиях с тех пор, как Вы закончили редактировать эти книги? О чем будет Ваша следующая работа?

О.Б. Совсем скоро выйдет в свет второе издание учебника «Европейская интеграция», переработанное и основательно дополненное, на этот раз под двойной редакцией – моей и Николая Юрьевича Кавешникова. В нем нашли отражение многочисленные изменения, произошедшие в европейских интеграционных процессах (и не только в ЕС, но и на евразийском пространстве) после 2010 года. Заметно пополнился коллектив авторов, в основном за счет молодых преподавателей МГИМО.

Моя следующая индивидуальная монография должна была называться «Экономическая история евро» с подзаголовком «Язык денег». Теперь она превратилась в две отдельные книги. Расскажу, как это получилось.

Книгу об экономической судьбе евро я начала писать еще в бытность работы в МГИМО и думала, что быстро закончу, ведь предмет мне хорошо известен. Но в ходе работы я основательно заинтересовалась историей европейских денежных систем. Описываемые современные явления раз за разом тянули меня назад – к тому, что происходило между Первой и Второй мировой войной, к валютным союзам и конференциям XIX века, к истории монетного дела Средних веков и даже к Античности. Причем «посланцы из прошлого» оказывались не просто милыми артефактами, о которых автор рассказывает читателю, чтобы развлечь его. Они указывали на недостаточно изученную экономистами связь между прошлым и настоящим, в которой заключен важный, пока нераскрытый смысл.

Два года назад рукопись была готова. МГИМО подписал соглашение с издательством и перечислил аванс на изготовление оригинал-макета, за что я глубоко благодарна руководству университета и Тамаре Викторовне Шашихиной, которая всеми силами продвигала проект от имени Европейского учебного института. И все-таки я не могла отделаться от мысли, что должна написать и поставить вперед главу, где раскрывалась бы эволюция денежных систем Европы.

На это дело я опрометчиво отвела себе два-три месяца, не зная, что вступаю на огромную, непаханую целину. Развитие денежных систем изучали историки и нумизматы, а в лучшем для меня случае – историки экономики, как Ф. Бродель и И.М. Кулишер. Но даже для них деньги были побочной темой, проходящей вскользь по основному исследованию.

Спустя год заветная первая глава превратилась в четыре – об экономической природе денег в Древней Греции, в Древнем Риме, в Средневековой Европе, а также в Европе Нового и Новейшего времени. Были выписаны книги иностранных авторов, основательно изучен каталог РГБ, освоены десятки незнакомых имен и терминов. Чтение Плутарха, Ксенофонта и Либания с каждым днем затягивало все сильнее. Финансовый кризис в Римской империи III в. до нашей эры уже представлялся не менее ярко, чем недавняя афера с субстандартными ипотечными кредитами. Осмеянный за фиксированные цены Диоклетиан предстал экономистом-гением, сумевшим оградить основы государства от инфляционного пожара. Эдикт Карла Лыского ставил неудобные вопросы о смысле монетной регалии.

Обилие исторического материала, его ярко выраженная специфика и малая освоенность учеными-экономистами делали написание текста трудоемким и медленным. Но я не собиралась опускать руки. Весной 2016 г. глава о денежных системах античной Греции была передана на внешнюю экспертизу на кафедру истории древнего мира Исторического факультета МГУ.

Текст внимательно изучил один из ведущих отечественных специалистов по античным монетам, к.и.н., доцент Андрей Валентинович Стрелков. После трехчасовой беседы с ним я снова отправилась в библиотеку – восполнять пробелы знаний.

Когда после очередной переделки эта глава (о монетах Лидии, Афин, Спарты и Македонии) разрослась до трех авторских листов, или 50 страниц, я поняла, что материал сам диктует условия. Будущая книга под собственным весом разделилась на две: одну – об истории евро и вторую – об эволюции денежных систем Европы. Закусив губу, я приняла решение вернуться в точку, где я находилась два года назад. То есть закончить работу над рукописью о современной валютной интеграции. А уже потом заново сконструировать, домыслить и дописать монографию о том, как менялся язык денег в Европе по мере развития общества и самого человека. Кстати, в недавнем, третьем, номере журнала «Современная Европа» вышла моя статья «О происхождении монет», где я оспариваю положения эволюционной теории возникновения денег вообще и монет в частности, и представляю новые аргументы в пользу значительной роли государства.

А.Б. Какие три наиболее важные научные проблемы в европейских и интеграционных исследованиях и в целом понимаемых широко международных отношениях следует сегодня изучить научному сообществу?

О.Б. Первая серьезная проблема – о природе региональной интеграции вообще, а не только в версии Евросоюза. Должна признать, что призрак Европейского Союза продолжает жить во всем, что делают другие интеграционные объединения, включая недавно запущенный и весьма перспективный проект ЕАЭС. Идейная зависимость от ЕС представляет собой огромную опасность. Избавиться от нее можно только конструктивно: не отрицая и обесценивая опыт ЕС, а конструируя свои, пригодные для данного региона, теоретические и практические основы интеграции.

Для российских ученых на этом пути лежит исполинских размеров валун, который мы всякий раз обходим и делаем вид, что его нет. Этот валун — СЭВ. До сих пор опыт СЭВ не стал предметом серьезного научного осмысления ни в странах, которые в нем участвовали, ни в мировой науке вообще. В государствах ЦВЕ, вошедших в ЕС, эта тема, видимо, стала политическим табу. В итоге мы не знаем точно, от чего распался СЭВ. Есть вызывающие доверие, но не доказанные формально объяснения. Точно так же мы не знаем, что из опыта СЭВ было полезным для экономики, а что вредным. При этом от СЭВ было, как минимум, две пользы — индустриализация аграрных стран Восточной Европы и защита их же от «ножниц цен», возникавших из-за разной динамики цен на сырье и промышленные товары. В 1970-х годах СЭВ оградил своих членов от финансовых потрясений, вызванных распадом Бреттон-Вудской системы и нефтяными кризисами. Социалистические страны не испытали взлета инфляции и безработицы. Не поймите меня превратно: я призываю не к восстановлению СЭВ, а к объективному изучению явления.

Без этого мы не решим другой крупной научной проблемы, определяющей судьбу постсоветского пространства и России. Речь идет о разработке модели региональной интеграции для стран с догоняющим типом экономики. То есть о необходимости соединить экономическую теорию догоняющего развития (которой пока нет) с теорией региональной интеграции пространств, культурно и исторически отличающихся от Запада. Надо, наконец, признать, что экипировка и методики олимпийцев не подходят для дворовых команд. Стыдного здесь ничего нет. Пора отбросить соображения престижа и заняться собой, а не представлением о себе.

Третья проблема общеевропейского масштаба — выход из ловушки политкорректности. Колоссальную работу здесь должны взять на себя общественные науки — психология, социология, политология, экономика, антропология (этнография). Политика

мультикультурализма провалилась, потому что она исходила из самонадеянной и не прошедшей практической проверки предпосылки: мы покажем приезжим представителям иных культур и религий, как хорошо жить в условиях демократии, толерантности и свободного рынка, и они сами поймут, что традиционные ценности их обществ следует заменить нашими. Вышло наоборот: приезжие все настойчивее требуют от европейских государств некоего «режима наибольшего благоприятствования» для своих ценностей и норм, которые чужды как давним европейским культурным традициям, так и современным представлениям о правах и свободах.

Когда в середине 2000-х годов Конвент в составе наиболее уважаемых граждан ЕС разрабатывал текст будущей конституции Евросоюза, из преамбулы убрали важнейшие положения о христианских основах европейской цивилизации. Мотив, наверное, был благим — не сердить населяющих Европу мусульман и представителей иных конфессий. Боюсь, что сделанная уступка была расценена не как жест доброй воли, а как проявление слабости и зависимости.

Настало время понять, что политкорректность и толерантность — это моральные установки, а не инструменты решения реальных проблем. Нужны серьезные, честные исследования о мотивах терроризма и способах его пресечения. Обществу нужны действенные меры организации совместной жизни людей разных культур и религий. Первым шагом на этом пути должен стать отказ от замалчивания очевидных различий в поведении, предпочтениях и ценностях людей, принадлежащих к различным этносам, культурам и религиям.

А.Б. Вы внесли заметный вклад в становление отечественной науки о Европе, в теоретические и страноведческие работы по европейской тематике. О Вашей роли в европейских исследованиях говорит факт создания Вами в МГИМО соответствующей Кафедры. Что бы Вы могли пожелать студентам и начинающим специалистам, идущим по Вашим стопам?

О.Б. Студентам я пожелаю не врать себе и родителям. Если выбранная специальность кажется скучной, от нее надо отказываться как можно раньше. Бросать престижный вуз и идти туда, где будут гореть глаза, а сердце прыгать от радости. Высиживая нудные лекции и семинары, вы выбрасываете свою жизнь. Берите на себя ответственность за свое будущее. Разговаривайте с родителями, доказывайте им, что вы созданы для другого. Без этой инициации вы никогда не станете взрослыми и достойными уважения.

Начинающим специалистам я бы посоветовала две вещи. Первая – много читать, причем не обязательно то, что напрямую связано с нынешней сферой исследований. Не жалеть денег на научные книги, регулярно бывать в книжных магазинах, просматривать библиотечные каталоги, расспрашивать старших коллег о новых направлениях мысли и новых именах на научном небосклоне. Без этого ученый мёртв, у него нет внутренних резервов

для постановки правильных вопросов и решения неординарных задач. У каждого исследователя должна быть своя система удержания в голове прочитанного: специальные отметки на полях книг, выписки, конспекты. Много лет я не читаю без карандаша.

Второй совет – без усталости, год за годом совершенствовать навыки рационального, логического мышления. Стремиться к точности в описании предмета и задачи, в выборе методов и особенно в выстраивании причинно-следственных связей. Мир на наших глазах перешел от медицины опыта к доказательной медицине, когда врач, выписывая лекарство, точно знает, как оно работает в каждый конкретный момент на каждом отдельном участке тела. Макроэкономике и политологии только предстоит этот великий переход. Я верю, что он состоится.

А.Б. Спасибо Вам, Ольга Витальевна, за внимание к читателям нашего журнала.